AB(IV) RH-

Узнавать своих по крови да по породе, счастье острое припрятывать в голенище. У нее тропа лежит, где народ не ходит, где скот не бродит, где зверь не рыщет.

Кто не снится ей, тому ее не бывает. По лесу мелькают тени, летают птицы. Деревья руки держат над головами, камень огонь выбивает, которое лето длится.

Она слышала: филин ухал, сова вздыхала, летучая мышь свистела и перестала. Она видела: лес качался, как опахало, заря над ним восходила и потухала, к заутрене холодало.

Я отрицаю все, что было мной, еще вчера казавшееся важным — песочным замком, парусом бумажным, водой и ветром, призрачной стеной. Нас не было — в моих черновиках не сохранилось писем и рисунков. Нас не было, идут вторые сутки безвременья, застывшего в веках. Свободы нет, как нет и темноты, что отменила это заточенье. Когда пришла пора менять теченье, достаточно движения воды.

Не помню лиц, не знаю, не зову, определяя по координатам ту женщину, которой я когда-то самой себе казалась наяву.

А сила твоя не в том, чтоб меня ломать.
И правда твоя не в том, что тебе казалось.
Из трех твоих женщин с тобой остается мать,
Которая никогда тебя не касалась.

Из трех твоих стран с тобой остается та,
В которой сегодня тебе не найдется места.
Такая внутри огромная пустота,
Что сердцу в ней слишком тесно.

Из трех твоих жизней, что держит тугой капкан,
Одна продолжает еще говорить о чем-то.
Когда досчитаешь до трех — замолчи, пока
Не сбился со счета.

Мне скоро тридцать, мама, давай подумаем, как нам было.
Как крепко ты никогда меня не любила, как страшно не скучала и не боялась. Я твоя обреченность, мама, твоя усталость, твоя затяжная бессонница, горечь, жалость. И все эти годы я за тебя держалась, жалась к тебе, слабела, тобой болела. Я не успела, мама. Я не успела стать тебе чем-то, кроме знакомой тени. Мы приходили не с теми, уйдем не с теми.

Мне скоро тридцать, я вижу, что будет с нами.
Мама, мы никогда себя не узнаем.

Я была тебе ложью, была тебе сожаленьем. Мне хотелось приехать, уткнуться в твои колени, лежать под твоей ладонью, не остывая…

Так не бывает, мама. Так не бывает.

Я ждала ее, она ко мне приходила.
Садилась у изголовья, смотрела жадно.
Во мне выцветала кровь, вырастали жабры,
Мне снились донные рыбы и крокодилы,
Душа отражала звуки, как перепонка,
Мир погружался глубже, мы плыли вместе:
Горькие слезы женщин, костры и песни.

Желтые воды Ганга.

Удары гонга.

Это все сентябрьская сутулость, хроническая усталость, депрессивный синдром, зависимость от погоды. Становишься частью комнаты, пола, стула, частью того, что еще осталось, пытаешься быть равнодушным, но ждешь исхода. Прошлое вспоминается кадрами, цветными вспышками, крупными планами, непригодными для работы. И все со своими правдами, с чужими книжками — пустые беседы, проверенные остроты.

Чувствуешь себя не в своей тарелке, в недоброй притче.

Темнеет так быстро, что впору вооружаться.

Наше время уходит из города. Как обычно — даже не пытается задержаться.

Весна для выживших. Из выцветших палат, из рукавов больничных коридоров мы тянемся за дозами тепла, слабее слов, прозрачнее стекла, мы покидаем сумрачные норы.

Идем к весне — в пижамах, босиком, с катетерами в венках подключичных, и ладанки на тонких шеях птичьих боготворят детей и стариков.

Весна для выживших. Хвала прошедшим тьму, дождавшимся весны, как откровенья. Мы друг за другом тянемся, как звенья.
Он соберет нас, наберись терпенья.

Идущий первым, улыбнись Ему.

Мы сидим на самом краю пригревшись, мы у Него в руках. Мы бежали через ноябрь к марту и обогнули шар. На двоих у нас есть беспокойный компас и с десяток дорожных карт. У меня — очки и смешная шапка, у тебя — разноцветный шарф. Нет ни общего прошлого, ни историй, душащих по ночам, нет терпения, чтобы найти причину, по которой мы тут сидим. Я умею с тобой проходить сквозь стены, чтобы потом молчать, потому что когда замолкаешь — слышишь сердце в твоей груди.

Соль на губах проступает морем, море покорно ждет. Если бежать босиком по пляжу — там остается след: то ли влюбленного зверя, то ли ловца, что за ним идет — без отдыха через ноябрь к марту по этой большой земле. Вот прибой прорастает сквозь дикий камень, вот мы стоим на нем. Рыбы плывут по морским дорогам, словно осколки льдин.

Я говорила с ветреным мартом и с пасмурным ноябрем.

Теперь я буду молчать и слушать сердце в твоей груди.

Каждый пастырь строг, каждый бес строптив, каждый путь лукав. Не успею в срок, не приду простить, не найду лекарств. Открывает дверь, не скрывает ран, не умеет врать. Сын мой, я осторожный зверь, постоянный страх, я бездарный врач.

Мне бы псом у ног да полсотни книг, чтобы каждое слово — к ней. Но в глазах темно, не горят огни, никогда не найти огней. А она ничего не ждет, за окном дождит, по утрам туман. Я бессилен, я изможден, я всегда один, я схожу с ума.

Сочинять ей блюз, причинять ей боль, целовать ее на бегу.

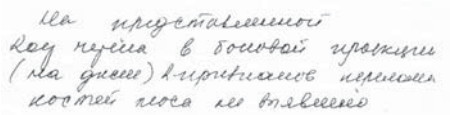
Сын мой, я за себя боюсь, я хреновый бог.

Ибо большего

не могу.

Это не было в марте, не было нор, и кролик в них не нырял, алиса не распахивала окно навстречу ветру и фонарям, мама не запрещала гулять по крышам, талый снег не топил подвал, не было белого, не было черного, и шляпник не предавал. Это не было с нами, не было с кем-то, не было дней и лет, это не было ни под землей, ни сверху, никогда ни на чьей земле, потому что это не было светом и даже не было тьмой.

Это не было чем-то, что было раньше между тобой и мной.



О чем говорит мне март, идущий за високосным?

Говорит не сходить с ума, не задавать вопросов, говорит, ступай себе мирно своей дорогой, чужого добра не трогай, притворись юродивым, вырядись идиотом — так никто не узнает, чей ты, не спросит, кто ты, вот снег идет и деревья под ним цветут, не оставайся тут.

Говорит, никто не верит и не жалеет, деревья идут по снегу, весна болеет, птицы вернулись, ищут теперь спасенья, кругом одно прощёное воскресенье, говорит, прости, а лучше уже прощай, не привыкай к вещам.

Говорит, какой в этом смысл, какое дело? У тебя есть душа, она состоит из тела, уноси их отсюда, пока они не сгорели, прячь их в любви, в тепле, в голубом апреле, дай им покоя, божественной благодати, хватит, родная, хватит.

О чем говорит мне март, идущий за февралем? Вот солнце встает, трава пробивает лед, вот снег идет и падает на траву и лежит на ней, а с неба его зовут — возвращайся в горние выси, в небесный тыл.

О чем говоришь мне ты?

Загнанных лошадей пристреливают — расскажи это сыну, которого не было никогда. Расскажи, как в новой реке глубока вода, как легко предавать, если знаешь, что ты сильней. Найди женщину тише шепота и оставайся с ней. Загнанных лошадей пристреливают — за это стоит выпить крепкого, как огонь. В баре легко смеяться и в дым окунать ладонь, рассказывать, как она билась, и хлопать бармена по плечу. Крути барабан и считай патроны, а я тебе помолчу. Загнанных лошадей пристреливают, что поделать, таков закон. Попадется кобыла с норовом — держи ее под замком, в узде держи, коновязь придирчиво проверяй. Загонишь — пристрелишь, да что тебе повторять.

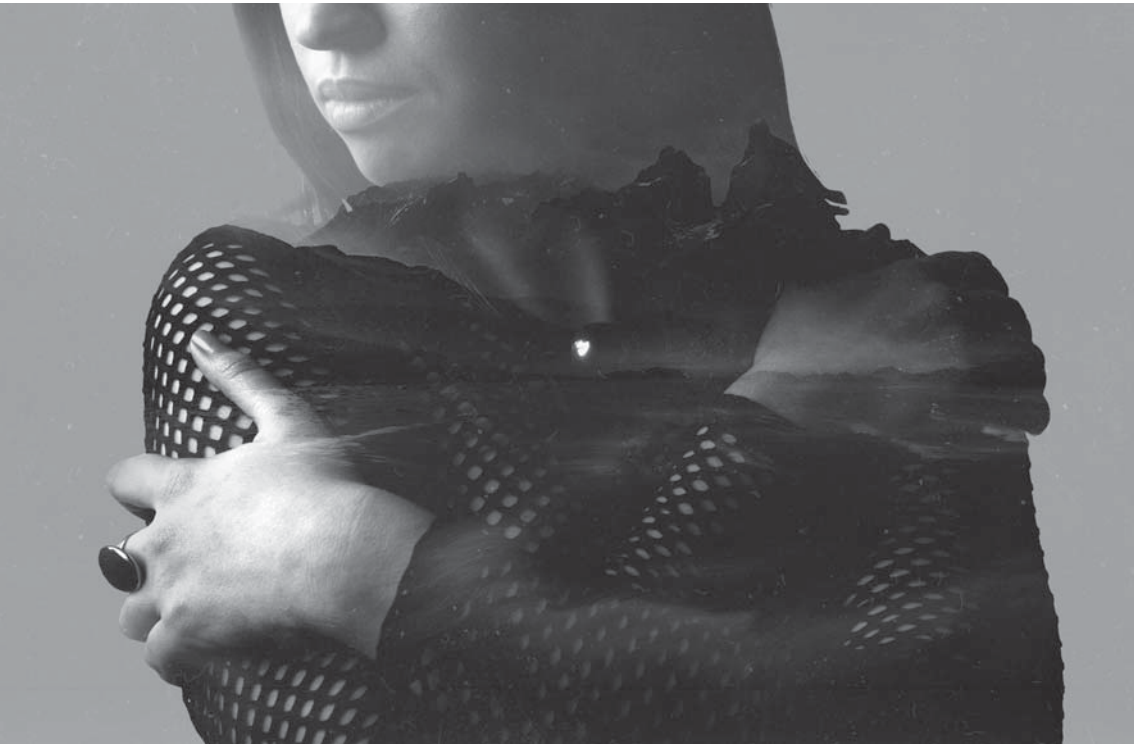
Ты помнишь меня на горе над заливом, чернеющим где-то внизу?
Расколотый надвое танкер небесный теряет тягучую нефть, и всполохи делают это священным, земле предвещая грозу, и кажется, нежность наполнена гневом, и нежностью высушен гнев.
Ты помнишь меня — над стихией, над морем, над сотнями прошлых имен — твоим маяком, моряком, миротворцем, идущим с огнем и мечом крестить тебя словом, и быть твоим склоном, и чувствовать тело твое, когда ты сливаешься с ночью июльской отчаянно и горячо.

Теряющий счастье боится счастливых, хрипит от полученных ран.
Меня, заключенную в ребра бумаги, ты учишь, что надо терпеть.

Тягучая нефть разлилась над заливом.
За мной не вернется гора.

Мне пусто, мне дьявольски пусто, мой ангел.

Скажи-ка мне, кто я теперь?



А старик бубнит: «Ты зачем живешь?», я сочувствую старику. У меня есть ребенок, обрыв и рожь, я держу его как могу, мне нельзя уходить, мне нельзя не жить, я прописана у черты. Но старик не видит его во ржи, говорит: «Принеси воды». Я иду за водой и боюсь не сметь, я сама себе нынче смерть, а вдали еще раздается смех, и колосья звенят как медь. Неподвижно птица моя летит, ветер листьями не скрипит. Я встречаю женщину на пути, и она говорить мне: «Пить». В целом мире у женщины ни души и от прошлого — ни следа. Я безропотно ей отдаю кувшин и смотрю, как течет вода. Опустел кувшин, и разбит кувшин, и осколок пустил росток. И к ростку народ кочевой бежит — «Вот знамение и пророк, исцели нас, дай нам, храни от бед, чудодействуй, пока стоим!..» А во ржи уже не заметен след, а над полем восходит дым. И у женщины жажда змеей в груди, и старик изможден и слаб. Кто решится услышать и отпустить, если я их тогда спасла?

Он зовет — по телу проходит дрожь, он бежит — замирает дух. У меня есть ребенок, обрыв и рожь. Я уже ничего не жду. А старик говорит: «Принеси воды», а народ повторяет в такт…

Я живу над пропастью у черты. И не знаю, за кем черта.

По берегам вечерами горят костры — беглые греются и проклинают белых. Песни поют о свободе, поют навзрыд, была бы здесь мать, она бы такие пела. Белые ищут беглых, пока светло, первые сумерки так изменяют воду, что тонкой чертой становится каждый плот и черными пятнами кажутся пароходы. К реке привыкаешь, живешь с ней один в один, в прибрежные заросли прячешься, если жарко. Ты сам себе раб и сам себе господин, другие боятся жизни, но их не жалко. С рекой понимаешь: рождайся хоть сотню раз, меняя цвет кожи, бывая никем и всеми, твой мир будет плыть от берега до утра, а значит, на юге все реки текут на север. У нас из еды все чаще одна вода, бывает, добудем что-нибудь в городишке. А проповедь, в сущности, полная ерунда, ее пропустили, значит, о ней не пишем. И кто вам сказал, что здесь мы живем в грехе, что нет у нас бога — мол, бог на плоты не выйдет? Мы просто плывем, плывем без путей и схем, и Джим на свободе, и бога ночами видит.

А что у тебя? И как ты попал на плот? Большая река, широкое русло мира. Идет пароход, и если поднять весло, то можно услышать, как время проходит мимо.

Мы вместе плывем на плоту, мы всегда плывем, великой реке не видно конца и края.

Ты можешь быть герцогом, пастырем, королем.

Мы с Джимом посмеемся и подыграем.

Мы искали энергию, вышли, а город мертв. Из глубин земли раздается сердитый рев, тяжела вода, но я за нее в ответе. Отпусти меня, друг, возьми, отведи к врачу, я рентгеновский луч, но больше я не хочу, мне пора на заслуженный отдых, на свежий ветер.

Посмотри — ничего живого на сотни верст, и стоят столбы, головами касаясь звезд, на столбах — таблички с нашими именами. Разве я умел любить и не ждать беды, разве раньше я не был стражем большой воды, разве люди с глазами смертников были нами?

Вечерами тошнит и кружится голова. Я устал от них, но больше устал от нас, выходящих из подземелья в защитных масках. Наш реактор гудит, идут по воде круги, мы такое построили — Господи, помоги, только Припять вокруг, о ней не напишут в сказках.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru